

ПРОЦЕСС «193-х»

Процесс «193-х» (иначе «Большой процесс») впечатляет прежде всего своими масштабами: то был самый крупный политический процесс за всю историю царской России, «процесс-монстр», как называли его современники. Царизм судил на нем историческое «хождение в народ» 1874 г.

Массовое «хождение в народ», т.е. в крестьянство, российских революционеров-народников развернулось с весны 1874 г. «Вооружившись» пропагандистской литературой (от пересказа «Капитала» К. Маркса до собственных «сказок»), народники отправились «в народ» разъяснять ему, «кто виноват» и «что делать», а главное, проповедовать социалистические идеи всеобщего равенства. Размах «хождения» был для России беспрецедентным. По реестру министерства юстиции, «хождение» захватило 37 губерний¹. К ним надо прибавить 4 губернии, дополнительно названные в документах царского сыска², а также еще 10 губерний, где факт «хождения в народ», не раскрытый карателями, установили историки³. Итого, «хождением» 1874 г. были охвачены 51 губерния Российской империи! Общее число его участников достигало 10 тыс. человек⁴. «В народ» пошли тогда одновременно, по общему сговору, все народники поголовно (лавристы, бакунисты, бланкисты), несмотря на тактические разногласия между ними. Удивляясь «всепоглощающему характеру» этого движения, С. М. Кравчинский назвал его «крестовым походом»⁵, а П. Л. Лавров участников похода – «крестоносцами социализма»⁶.

«Целый легион социалистов, – читаем в жандармском обзоре движения, – принялся за дело с такой энергией и самоотвержением, подобных которым не знает ни одна история тайных обществ в

¹ См.: Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. Женева, 1875. С.10-12 (все 37 губерний здесь перечислены).

² См.: Государственные преступления в России в XIX в. Ростов н/Д., 1906. Т.2. С.344; Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880. С.298-308.

³ См. об этом: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С.42.

⁴ См.: *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С.286.

⁵ *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч. М., 1958. Т.1. С.381.

⁶ *Лавров П. Л.* Философия и социология. М., 1965. Т.2. С.7.

Европе»⁷. Единственным оружием этого «легиона» было слово – устное и печатное. Оно не просто возбуждало, а главным образом *просвещало* крестьян. При всей революционности народников их «хождение» к крестьянам было мирным, пропагандистско-просветительским движением. Крестьяне же реагировали на него не опасно для самодержавия. Охотно слушая беседы народников о «хитрой механике» эксплуатации народа, они в массе своей оставались глухими к проповеди социализма и к призывам подниматься на борьбу. Были даже случаи, когда крестьяне выдавали слишком рьяных пропагандистов властям⁸.

Цивилизованное правительство в такой ситуации сумело бы оценить и просветительский энтузиазм народников и крестьянский иммунитет к самой идее революции, а наказало бы, причем умеренно, лишь необузданных бунтарей, которых сами народники прозвали «вспышкопускателями»⁹. Вместо этого царизм обрушился на всех «ходебщиков в народ» (жандармская терминология) с жесточайшими репрессиями.

31 мая 1874 г. в Саратове была раскрыта всероссийская явка народников, кое-как законспирированная под башмачную мастерскую, причем жандармской добычей стали десятки адресов и шифров¹⁰. Так, власти напали на след большого числа кружков, рассеянных по разным губерниям, что позволило устроить нечто вроде всероссийской облавы. По высочайшему повелению от 4 июля 1874 г. дознание по делу «О пропаганде в империи», уже начатое повсеместно, было централизовано в руках начальника Московского губернского жандармского управления генерал-лейтенанта И. Л. Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты С. С. Жихарева. Юридически ответственным распорядителем дознания стал именно Жихарев – этот, по мнению известного трубадура реакции князя В. П. Мещерского, «настоящий Баярд без страха и упрека» и «гениальный обличитель»¹¹, а в оценке А. Ф. Кони, палач, «для которого десять Сахалинов, вместе взятых, не были бы достаточным наказанием за совершенное им в середине 70-х злодейство по отношению к молодому поколению»¹².

Действительно, под руководством Жихарева и Слезкина Россию захлестнула такая волна арестов («следственный потоп», как

⁷ Хроника социалистического движения в России 1878-1887 гг. Официальный отчет М., 1906. С.8.

⁸ *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т.2. С.590.

⁹ Подробно см.: *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965. Гл.5.

¹⁰ ГАСО, ф. 53, оп. 1, 1874, д. 14, т. 3, л. 211-226 об.

¹¹ *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч.2 (1865-1881). С.401, 402.

¹² *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т.2. С.317.

выразился знаменитый криминалист Н. С. Таганцев¹³), какой история русского освободительного движения еще не знала. «Слушая названия городов и местечек, в которых хватают, я повергаюсь просто в изумление, – писал в октябре 1874 г. А. А. Кропоткин (брат П. А. Кропоткина) П. Л. Лаврову. – Буквально, надо знать географию России, чтобы понять, как велика масса арестов»¹⁴. Жандармский генерал В. Д. Новицкий, который осуществлял «проверку числа арестованных лиц», насчитал таковых за 1874 г. только по 26 губерниям больше 4 тыс.¹⁵ (М. И. Венюков по всей стране – до 8 тыс.).¹⁶

Разгромив «хождение в народ», царизм замыслил устроить еще более грандиозный, чем дело нечаевцев, показательный процесс против «крамолы» и добиться-таки цели, неудавшейся на процессе нечаевцев, т.е. выставить революционеров в самом одиозном виде как закоренелых злодеев, ополчить против них российскую и мировую общественность, вырвать с корнем всякое доброе чувство к ним со стороны россиян. При этом власти твердо рассчитывали на успех, ибо, во-первых, теперь к их услугам был гораздо более надежный, чем в деле нечаевцев, суд, а именно ОППС; во-вторых, можно было припугнуть общество невиданными ранее масштабами «преступного сообщества» (8 тыс. арестованных!); наконец, в-третьих, власти собрали против этого «сообщества» массу документальных улик, что позволяло и разоблачать опасность «крамолы», и щегольнуть умением карателей выявить и пресечь любую «крамолу».

18 и 26 марта 1875 г. Комитет министров империи специально обсуждал вопрос о подготовке процесса и нашел, что до сих пор борьбу с революционной пропагандой очень затрудняла «неизвестность размеров пропаганды» в обществе. «При такой неизвестности, – гласит высочайше утвержденный журнал Комитета министров, – нельзя ставить прямым укором обществу отсутствие серьезного отпора лжеучениям; нельзя ожидать, чтобы лица, не ведающие той опасности, которою лжеучения сии грозят общественному порядку, могли столь же энергично и решительно порицать деятельность революционных агитаторов, как в том случае, когда опасность эта была бы для них ясна»¹⁷. Комитет министров выражал уверенность в том, что ни революционные теории, которые, мол, суть не что иное, как «бред фанатического воображения», ни нравственный облик «ходебщиков в народ», проникнутый будто бы «неимоверным цинизмом», «не могут возбудить к себе сочувствия». Поэтому,

¹³ Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919. Вып.2. С.40.

¹⁴ Цит. по: Филиппов Р. В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863-1874). Петрозаводск, 1967. С.288.

¹⁵ Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929. С.77.

¹⁶ [См.: Венюков М. И.]. Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора. Прага, 1880. Т.4. С.88.

¹⁷ Татищев С. С. Указ. соч. Т.2. С.550.

заклучали царские министры, большой показательный суд над «ходебщиками» весьма желателен, и его должно устроить так, чтобы на нем была вскрыта «вся тлетворность изъясненных теорий и степень угрожающей от них опасности»¹⁸.

Начали готовить суд, и тут выяснилось, что жандармские власти, к негодованию даже К. П. Победоносцева, «нахватали по невежеству, по самовластию, по низкому усердию множество людей совершенно даром»¹⁹. Пришлось наспех отделять овец от козлищ. Из многочисленной массы арестованных были привлечены к дознанию 770, а к следствию (после нового отбора) – 265 человек²⁰. Для вящей тяжести обвинения следователи усердно подтасовывали факты, шельмовали обвиняемых и наускивали на них свидетелей. В результате, следствие затянулось на 3,5 года. А тем временем подследственные томились в жутких условиях тюремных казематов, теряли здоровье и умирали (к началу процесса 43 из них скончались, 12 – покончили с собой и 38 – сошли с ума²¹).

Только осенью 1877 г. заключенным вручили обвинительный акт: суду предавались 197 наиболее опасных «крамольников». Из них еще четверо умерли, не дождавшись суда. Процесс был учинен над 193 лицами.

Обвинительный акт по делу «193-х» монтировался сообразно установке Комитета министров. Дабы утратить общество «размерами пропаганды», он наклеивал на две сотни участников почти 40 кружков ярлык *единого* «преступного сообщества», сложившегося в исполнение всероссийского злодейского заговора. Все «сообщество» обвинялось в том, что оно готовило «ниспровержение порядка государственного устройства», а сами народники изображались монстрами: обвинительный акт клеймил их «готовность к совершению всяких преступлений», инкриминировал им намерение «перерезать всех чиновников и зажиточных людей» и поносил их «учение, сулящее в виде ближайше осуществимого блага житье на чужой счет»²². Устроители процесса надеялись, что такое обвинение (если суд поддержит его, в чем власти не сомневались)

¹⁸ Там же. Т.2. С.550-551.

¹⁹ *Победоносцев К. П.* Письма К Александру III. М., 1925. Т.1. С.86.

²⁰ Записка министра юстиции графа Палена. С.12.

²¹ Революционное народничество 70-х годов XIX в. (далее РН): Сб. документов и материалов. М., 1964. Т.1. С.46 (все умершие и покончившие с собой перечислены); *Татищев С. С.* Указ. соч. Т.2. С.549.

²² Государственные преступления в России в XIX в. Т.3. С.9-10, 104, 241. Организаторами «сообщества» обвинительный акт назвал И.Н. Мышкина, П.И. Войноральского, Д.М. Рогачева и С.Ф. Ковалика, из которых на деле Ковалик был руководителем отдельного кружка, Рогачев – сотрудником Большого общества пропаганды (так называемых «чайковцев»), а Мышкин и Войноральский вообще не входили ни в какие кружки.

ужаснет общество и побудит его из страха и отвращения перед «крамолой» пасть в объятия к правительству.

Суд по делу «193-х» открылся 18 октября 1877 г. в ОППС. Председательствовал умудренный карательным опытом сенатор К. К. Петерс²³, обвинял скандально знаменитый в 1870–1880-х гг. прокурор В. А. Желеховский – карьерист и фанфарон, «судебный наездник», «воплощенная желчь»²⁴ («Я покрою позором обвиняемых», – хвастался он перед началом процесса)²⁵.

Подсудимые, в большинстве своем, к началу процесса уже договорились, как вести себя, в зависимости от характера суда. В том случае, если суд будет гласным, открытым, они намеревались использовать его как трибуну для пропаганды своих идей (62 из них отказались от услуг адвокатов, чтобы самим выступить с защитительными речами)²⁶. Если же суд будет закрытым, они решили бойкотировать его.

Власти, со своей стороны, нашли возможным сделать процесс ни закрытым, ни открытым. Он был объявлен публичным, но для него выбрали такое помещение, где едва уместились судьи и подсудимые. На обычные места для подсудимых (возвышение за барьером, которое обвиняемые тут же называли «Голгофой») были усажены мнимые организаторы «сообщества» – Мышкин, Рогачев, Войноральский, Ковалик²⁷, а все остальные подсудимые заняли места для публики. На оставшиеся 15–20 мест, отгороженные в уголке зала, допускалась по именным билетам лишь проверенная «публика», которую для пущей надежности «цементировали» агентами III отделения. Сановные зеваки заполняли проход за судейскими креслами. «В зале суда, – вспоминал А. Ф. Кони, – были во множестве расставлены жандармы, и ворота здания, как двери храма Януса, заперты накрепко, будто самый суд находился в осаде»²⁸. Все это позволяло властям и соблюсти юридический декорум, и гарантировать себя от излишней огласки возможных на суде эксцессов. Больше того, чтобы облегчить расправу над подсудимыми, суд поделил их на 17 групп для отдельного разбирательства дела с издевательской мотивировкой: «ввиду недостаточности помещения»²⁹.

²³ Ранее выступал в роли главного судьи на громких процессах по делам участников Казанской демонстрации, «50-ти» и «Южнороссийского союза рабочих».

²⁴ Кони А. Ф. Собр. соч. Т.2. С.59, 64.

²⁵ Тихомиров Л. А. Заговорщики и полиция. М., 1930. С.89.

²⁶ ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 161, л. 60-60 об.

²⁷ По некоторым сведениям, вместе с ними сидели еще М. Д. Муравский и В. Ф. Костюрин.

²⁸ Кони А. Ф. Собр. соч. Т.2. С.63.

²⁹ Стенографический отчет по делу о пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего Сената. СПб., 1878. Т.1. С.11.

Подсудимые ответили на это юридическое шулерство самым энергичным протестом. 120 из них бойкотировали суд, т.е. отказались являться на его заседания (их назвали «протестантами»³⁰), и только 73 человека, прозванные в отличие от них «католиками», согласились участвовать в суде. Бойкот суда «протестанты» мотивировали так: «Останемся чисты в глазах России. Она видит, что не мы дрогнули перед гласностью, а враг наш; она видит, что, убедившись в невозможности употребить суд как средство дать ей отчет в наших действиях и разоблачить перед нею действия нашего и ее врага, мы прямо и открыто плюнули на этот суд»³¹.

При этом каждый из 120 «протестантов» не только заявил, что он не признает суд, но и сопроводил свое заявление смелыми обличительными репликами, как бы удостоверяя афоризм Фридриха Шиллера: «Тот, кто ничего не боится, не менее могуч, чем тот, перед кем все трепещут». Мария Гейштор воскликнула: «Я должна заявить, что настоящий строй в России мне ненавистен, потому что в нем всем живет очень гадко, не исключая и вас, господа судьи!»³². Александр Артамонов высказал догадку, что «приговоры Особого присутствия составляются в III отделении, и по этой причине Особое присутствие скрывается от лица всего мира»³³, а Феофан Лермонтов насмешливо предложил сенаторам «вместо всего другого лучше прочитать сегодня же окончательный приговор, который, вероятно, уже давно заготовлен у суда»³⁴.

Почти полторы сотни «протестантов» держались правила «один за всех, все за одного». Когда судья К. К. Петерс прервал вызывающе дерзкое заявление подсудимого Ивана Чернявского окриком «Довольно!», обвиняемые с мест потребовали: «Слушайте, когда вам говорят!». Петерс дослушал Чернявского до конца и только потом распорядился вывести его из зала. Тогда все «протестанты» дружно поддержали своего товарища возгласами: «Всех уводите! Мы все не признаём суда! К черту суд!»³⁵. Петерс вынужден был удалить всех подсудимых и закрыть заседание. Такие сцены продолжались до тех пор, пока «протестантов» вообще не перестали приводить в суд.

³⁰ По воспоминаниям участников процесса, душой бойкота были П. И. Войноральский, С. Ф. Ковалик, Ф. В. Волховский, С. С. Синегуб, Л. А. Тихомиров, Н. А. Чарушин, И. Н. Чернявский (см.: *Чудновский С. Л.* Из давних лет. М., 1934. С.134, 135). В числе «протестантов» были также А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, М. Ф. Грачевский и другие, уже тогда известные революционеры.

³¹ РНБ РО, ф.473, д. 14, л. 2 об. («Объяснение протеста на суде, написанное одним из подсудимых»).

³² Государственные преступления в России... Т.3. С.256.

³³ Там же. С.251.

³⁴ Там же. С.254.

³⁵ Там же. С.3.

Ничего подобного в истории царского суда не было ни до, ни после этого процесса. А дальше его устроителей ждали еще худшие сюрпризы.

«Протестанты» с первых же дней процесса поставили суд в затруднительное положение. Расчет царизма дискредитировать народников перед Россией и Европой был сорван. Наступательная тактика активного бойкота, избранная подсудимыми, выбивала из рук судей их главное оружие – инициативу обвинения. Перед бойкотом они оказывались беспомощными, несмотря на огромные полномочия, поддержку всех реакционных сил³⁶ и постоянное внимание к ним самого царя³⁷. Сенаторы начали роптать на свою миссию, жалуясь, что им приходится выслушивать от подсудимых оскорбления «по чайной ложке» ежедневно и ежечасно. «Каждое заседание суда преисполнено скандалов <...> Судьи не знают, что им делать», – писал об этом наследнику престола К. П. Победоносцев³⁸. Первоприсутствующий сенатор (председатель суда) К. К. Петерс не выдержал напряжения и заболел. С 30 ноября его заменил сенатор К. К. Ренненкампф³⁹, который и довел процесс до конца.

После того как скандально провалился суд над «протестантами», сенаторы занялись разбирательством дел «католиков». Но и ход суда над «католиками» тоже не оправдал надежд властей. Почти все подсудимые держались гордо и смело⁴⁰. Представить их выродками (в согласии с обвинительным актом) не было никакой возможности. Разоблачительных улик не доставало. В лучшем для суда случае выяснялось, что тот или иной подсудимый вел «предосудительные беседы» и распространял «запрещенные книжки». Даже свидетели⁴¹, бывшие главным козырем для обвинения, в большинстве своем

³⁶ Реакционные круги в дни процесса печатно и устно обливали подсудимых всякой грязью, вплоть до «слухов, будто бы исходивших от очевидцев, что подсудимые, стесненные на своих скамьях и пользуясь полумраком судебной залы, совершают во время следствия половые соития» (см.: *Кони А. Ф. Собр. соч. Т.2. С.63*).

³⁷ Процесс «193-х» проходил под негласным контролем Александра II. Царь даже на фронте, в Болгарии, получал сводки о каждом заседании суда, вмешивался в ход процесса, поощрял беззаконие своего ареопага и журил его за соблюдение законности. Когда, например, К. К. Петерс позволил обвиняемому М. Г. Соловцовскому высказаться до конца, не прерывая его, последовало высочайшее внушение: «Государь император не одобрил это» (см.: *Антонов В. С. И. Мышкин – один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959. С.51*).

³⁸ *Победоносцев К. П. Письма к Александру III. Т.1. С.97.*

³⁹ Родной брат известного душеителя освободительной борьбы в России и Китае генерала П. К. Ренненкампфа (1854-1918).

⁴⁰ Среди «католиков» были такие незаурядные личности (по разным причинам не примкнувшие к бойкоту суда), как И. Н. Мышкин, А. Я. Ободовская, В. А. Жебунев, О. Г. Алексеева, Е. К. Судзиловская.

⁴¹ По официальным данным на процесс «193-х» были вызваны 472 свидетеля (главным образом, крестьян): ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 809, л. 51-73 об., 104-118.

(исключая лишь платных агентов) отказались чернить подсудимых, ссылаясь на то, что за долгие годы дознания и следствия они «все забыли»⁴², или же объявляя свои прежние показания «ложными», данными под диктовку запугавшего их прокурора⁴³. «Забычивых» свидетелей сенаторы попытались наводить на ответы, желательные для суда, но тщетно, ибо одни свидетели стояли на своем («забыл и все тут»)⁴⁴, а других мастерски обезвреживали защитники.

Никогда в России, – ни раньше, ни позже, – состав защиты на политическом процессе не был таким блестящим, как по делу «193-х». Здесь был представлен почти весь цвет российской адвокатуры, связанный к тому же в значительной степени идейными, личными и даже родственными узами с революционным лагерем: «король адвокатуры» В. Д. Спасович – ближайший друг Сигизмунда Сераковского; «совесть адвокатского сословия» Д. В. Стасов – добрый знакомый А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского; первый боец сословия, оратор-громовец П. А. Александров, зарегистрированный III отделением в списке «неблагонамеренных»; Е. И. Утин – брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина; Г. В. Бардовский – брат социалиста П. В. Бардовского, повешенного царскими палачами; В. О. Люстиг – брат народовольца Ф. О. Люстига, осужденного на 20 лет каторги; близкий друг М. Е. Салтыкова-Щедрина, автор революционных стихов А. Л. Боровиковский; тогда еще молодой, впоследствии первый адвокат России Н. П. Карабчевский, женатый на сестре народовольца С. А. Никонова; друг юности П. И. Чайковского, тоже бывший на подозрении у жандармов, В. Н. Герард и др., всего – 35 адвокатов⁴⁵.

Поведение защиты на процессе «193-х» была выше всех похвал. Защита разоблачала предвзятость царской Фемиды, уличала в невежестве, доносительстве и прочих грехах подкупленных свидетелей обвинения и вообще «шла с подсудимыми рука об руку»⁴⁶, веруя в закономерность и неодолимость освободительного движения. «Никакие политические процессы, никакие заключения, – говорил Д. В. Стасов, – не остановят того хода мысли, который есть неотъемлемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития».⁴⁷ Не зря III отделение за два дня до окончания процесса жаловалось царю: «Защитники, вместо того,

⁴² ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 788, л. 66, 71, 109 и др.

⁴³ Там же. Л. 139; д. 771, л. 16, 36 об.

⁴⁴ Наблюдавший за ходом суда агент III отделения доносил начальству: «Большинство свидетелей, будучи вызвано со стороны обвинительной власти, стоят на стороне подсудимых» (см.: РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 383, л. 11).

⁴⁵ Подробно о составе и поведении адвокатов на процессе «193-х» см.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Тула, 2000. С.258-264.

⁴⁶ *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. М., 1973. С.263.

⁴⁷ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 1, д. 379, л. 48 об.

чтобы сдерживать подсудимых, подстрекали их»⁴⁸. На одном из последних заседаний суда П. А. Александров имел смелость заявить по адресу устроителей процесса: «Вспомнит их история русской мысли и свободы и в назидание потомству почтит бессмертием, пригвоздив имена их к позорному столбу!»⁴⁹.

Но, разумеется, главными героями процесса были не адвокаты, а подсудимые. Центральным, кульминационным его событием стала речь Ипполита Мышкина 15 ноября 1877 г. – одна из самых замечательных в истории политических процессов и «наиболее революционная речь, которую когда-либо слышали стены русских судов»⁵⁰.

Ипполит Никитич Мышкин – этот «страстотерпец революции»⁵¹ – к тому времени был уже знаменит героической, обросшей легендами попыткой освободить из Вилюйского острога Н. Г. Чернышевского (летом 1875 г.), но свой звездный час он пережил на процессе «193-х». По отзывам современников, он «обладал всем, что делает великим оратора»: силой убеждения, даром слова, воодушевлением, проникновенным голосом, который звучал, «как священный гром»⁵². Когда он говорил, то магнетизировал слушателей, и даже враги не могли не поддаться его обаянию⁵³.

Речь Мышкина по делу «193-х» была предварительно согласована с другими подсудимыми и выражала их общую точку зрения⁵⁴. Мышкин для того и не присоединился к бойкоту суда (по договоренности с товарищами), чтобы выступить перед судьями и публикой с такой речью. В ней он провозгласил идеи народнического социализма («союз производительных, независимых общин», «право безусловного пользования продуктами труда» для каждого работника, «полнейшая веротерпимость» и пр.), но не в этом ее сила, а в обличительном пафосе и прогнозе. Разоблачив антинародную политику царизма после «мнимого освобождения» крестьян, Мышкин доказывал, что именно «невыносимо тяжелое положение народа» грозит революционным взрывом: «не нужно быть пророком, чтобы предвидеть неизбежность восстания».

⁴⁸ ГАРФ, ф. 109, Секр. Архив, оп. 1, д. 714, л. 13.

⁴⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 382, л. 58 об.

⁵⁰ С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публ. В.С. Антонова) // Русская литература. 1963. № 2. С.161.

⁵¹ *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1965. С.715.

⁵² С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине. С.162; *Тихомиров Л. А.* Указ. соч. С.89-90.

⁵³ На процессе «193-х» корифеи адвокатуры «прибежали в волнении к другим подсудимым, чтобы поделиться с ними потрясающими впечатлениями от красноречия Мышкина» (см.: *Короленко В. Г.* Указ. соч. С.712.).

⁵⁴ *Базанов В. Г.* Ипполит Мышкин и его речь на процессе «193-х» // Русская литература. 1963. № 2. С.150-151. Полный текст речи см.: РН. Т.1. С.371-391.

Председатель суда то и дело (60 раз!) прерывал Мышкина, одергивал его, грозил лишить слова. Тогда Мышкин бросил в лицо судьям убийственное обвинение: «Теперь я вижу, что у нас нет публичности, нет гласности, нет <...> даже возможности выяснить истинный характер дела, и где же? В зале суда! <...> Здесь не может раздаваться правдивая речь, за каждое откровенное слово здесь зажимают рот подсудимому. Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия, или ... нечто худшее, более отвратительное, позорное...».

При словах «пустая комедия» председатель суда закричал: «Уведите его!» Жандармский офицер волком рванулся к Мышкину. Подсудимый Моисей Рабинович задержал его. Офицер оттолкнул Рабиновича, набросился на Мышкина и пытался зажать ему рот, но Мышкин, вырываясь из рук офицера, продолжал все громче и громче начатую фразу: «...более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!»

Друзья, защищая Мышкина от жандармов, дали ему возможность досказать речь до конца. В полицейском отчете сообщалось, что уже после того как Мышкин умолк, вокруг него «более пяти минут происходила борьба с ужасным шумом, криком и бряцанием оружия. Наконец, Мышкин был вытащен со скамьи через головы других подсудимых, причем жандармы тащили его за волосы, руки и туловище несколько человек разом»⁵⁵. Когда Мышкина поволокли из зала, подсудимый Сергей Стопане бросился к судьям и в упор кричал на них: «Это не суд! Мерзавцы! Я вас презираю, негодяи, холопы!»⁵⁶. Богатырь Дмитрий Рогачев, который мог связать в узел железную кочергу, «подбежал к решетке, отделявшей сенаторов от подсудимых, и привел судей в ужас, с огромной силой сотрясая эту решетку»⁵⁷.

Очевидцы вспоминали, что в тот момент в зале царило величайшее смятение. Председатель суда сбежал, забыв объявить о закрытии заседания. Все сенаторы поспешили за ним. Подсудимые выкрикивали проклятья, публика металась по залу, несколько женщин упали в обморок. Наконец, многочисленная свора жандармов с саблями наголо выпроводила и подсудимых и публику из зала. Прокурор Желеховский, который в замешательстве сновал между покинутыми судейскими креслами с лицом, как говорят французы,

⁵⁵ Цит. по: Антонов В. С. Указ. соч. С.56.

⁵⁶ РН. Т.1. С.391.

⁵⁷ Короленко В. Г. Указ. соч. С.708.

«*ruise évanonie*» («цвета блохи, упавшей в обморок»), мог только сказать: «Это настоящая революция!»⁵⁸.

Речь Мышкина, сразу обошедшая мировую прессу⁵⁹, сильно ударила по авторитету суда и всего царского режима. Реакционные «верхи» были напуганы и озлоблены ею. Обвинительная власть решилась даже передать дальнейшее слушание дела в военный суд, и только настояния адвокатуры во главе с Н. С. Таганцевым (тоже выступавшим на процессе в качестве защитника) склонили сенаторов к продолжению процесса в обычном порядке⁶⁰. С. М. Кравчинский передавал очень характерный отзыв о речи Мышкина из уст царского генерала: «Сотни нигилистов за целый год не могли сделать нам столько вреда, сколько нанес этот человек за один-единственный день»⁶¹.

Последующие дни на процессе «193-х» тоже не принесли лавров царизму. 23 января 1878 г. процесс закончился так же бесславно для властей, как и начался. Нацеленный на посрамление «крамолы», он дал прямо противоположные результаты. «Едва ли наше правительство когда-нибудь и чем-нибудь оскандалились так, как настоящим процессом»⁶², – читаем в перлюстрированном письме из Москвы в Архангельск от 10 января 1878 г.

Дабы как-то сгладить невыгодное впечатление от суда, Особое присутствие смягчило приговор по сравнению с тем, на что рассчитывали правящие «верхи»⁶³, и дерзнуло оправдать 90 обвиняемых, отсидевших, кстати, по 3-4 года в предварительном заключении (теперь им было объявлено, что они *невиновны*)⁶⁴. Александр II, однако, вновь – уже во второй раз после суда над С. Г. Нечаевым в 1873 г. – использовал prerogative монарха не для смягчения, а для отягчения судебной кары. Своей властью он отправил в административную ссылку 80 человек из 90 оправданных

⁵⁸ РН. Т.1. С.392.

⁵⁹ См. об этом: *Lavigne E.* Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris, 1880. P.352-371; *Arnaudo J.* Le nihilisme et les nihilistes. Paris [s.d.]. P.212.

⁶⁰ *Таганцев Н. С.* Указ. соч. Вып.2. С.38.

⁶¹ С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине. С.162.

⁶² ГАРФ, ф. 109, Секр. Архив, оп. 1, д. 711, л. 2.

⁶³ Из официальных документов известно, что высшие власти до последних дней процесса были уверены в самом суровом наказании подсудимых. Шеф жандармов Н. В. Мезенцов 9 января 1878 г. писал К. И. Палену о предстоящем по окончании суда «отправлении *значительного числа осужденных* в центральные каторжные тюрьмы» (см.: Красный архив. 1928. Т.5. С.184). (курсив мой. – Н. Т.).

⁶⁴ Среди освобожденных по делу «193-х» оказались крупнейшие революционеры: А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, М. Ф. Грачевский, М. В. Ланганс, Т. И. Лебедева, А. В. Якимова. Спустя три-четыре года, они были осуждены по другим процессам на виселицу или вечную каторгу.

судом⁶⁵. «Это, – вспоминал В. Г. Короленко, – произвело самое отрицательное впечатление даже на нейтральное общество и, может быть, решило участь Александра II»⁶⁶.

39 обвиняемых суд приговорил к ссылке, 32 – к тюрьме, а 28 – к каторге на срок от 3,5 до 10 лет. «Таким образом, – отметил С. М. Кравчинский, имея в виду не только этот, но и другие процессы народников-пропагандистов (долгушинцев, Н. А. Шевелева, Е. С. Семяновского, «50-ти»), – то самое, что делается совершенно свободно в любом западноевропейском государстве, у нас наказывается наравне с убийством»⁶⁷.

Самый большой каторжный срок (10 лет) получили пятеро: Мышкин, Войноральский, Ковалик, Рогачев и Муравский. Ипполит Мышкин 19 апреля 1882 г. бежал с Нерчинских каторжных рудников, добрался до Владивостока, но там был схвачен и доставлен в Шлиссельбургскую крепость, где заточен навечно в одиночный склеп. Он и в Шлиссельбурге не опустил рук, боролся, протестовал, запустил арестантскую тарелку в физиономию смотрителю-изуверу М. Е. Соколову⁶⁸ и за это 26 января 1885 г. был расстрелян.

Никто из осужденных по делу «193-х» не просил о помиловании⁶⁹. Напротив, 24 «протестанта» 25 мая 1878 г. перед отправкой на каторгу и в ссылку, рискуя еще больше ухудшить свою участь, обратились к «товарищам по убеждениям», оставшимся на воле, с завещанием: «идти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»⁷⁰.

⁶⁵ См.: Левин Ш. М. Финал процесса «193-х» // Красный архив. 1928. Т.5.

⁶⁶ Короленко В. Г. Указ. соч. С.172.

⁶⁷ Степняк-Кравчинский С. М. Избранное. М., 1972. С.401. Предумышленное убийство без отягчающих вину обстоятельств каралось тогда в России каторгой от 8 до 12 лет (см.: уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 7 изд. СПб., 1892. Ст.1455).

⁶⁸ «Мы не знаем ни одного другого тюремщика, «слава» которого могла бы сравниться со «славой» Соколова, или «Ирода», как его прозвали заключенные» (см.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т.3. С.209).

⁶⁹ Трое из «193-х» (А. В. Низовкин, Н. Е. Горинович, П. Ф. Ларионов) оказались предателями, а Идалия Польгейм – случайным лицом, но даже они, выдавшие на предварительном следствии все, что знали, на суде при виде массового героизма подсудимых уклонялись, а последние двое – и отказывались поддержать обвинение (см.: Государственные преступления в России... Т.3. С.247, 265-267, 269).

⁷⁰ ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 327, л. 290 (фотокопия с рукописного оригинала завещания). Текст его см.: РН. Т.1. С.399-400. Завещание подписали: П. И. Войноральский, Ф. В. Волховский, С. А. Жебунев, С. П. Зарубаев, Т. А. Квятковский, С. Ф. Ковалик, В. Ф. Костюрин, Ф. Н. Лермонтов, А. И. Ливанов, А. О. Лукашевич, П. М. Макаревич, М. Д. Муравский, В. А. Осташкин, Д. М. Рогачев, М. П. Сажин,

Процесс «193-х» – этот трехмесячный «поединок между правительством и революционной партией»⁷¹, – произвел громадное впечатление на современников. «Внимание всей Европы приковано к этому чудовищному процессу», – писала французская газета «Равенство»⁷². Такого, чтобы людей за слово их веры судили, как за убийство, и чтобы при этом подсудимые обратили в бегство весь судебный синклит и вступили в рукопашную с жандармами, на Западе еще не видели.

В самой России для демократически настроенной части общества герои процесса стали «образцом величайших гражданских добродетелей»⁷³, и «кредит социалистов» (как выразился один из корреспондентов журнала П. Л. Лаврова «Вперед!») отныне «поднялся до небывалой прежде высоты»⁷⁴.

Под впечатлением процесса «193-х» все оппозиционные царизму силы в России заметно активизировались. Народники в дни процесса расширили пропаганду и агитацию среди интеллигенции. Усиленно работала нелегальная типография общества «Земля и воля», где печатались отчеты о заседаниях суда и прокламации (в частности, написанный Г. В. Плехановым проект адреса министру юстиции К. И. Палену от учащейся молодежи – протест против башибузукской расправы над социалистами)⁷⁵. Агенты III отделения сокрушались, что «распространение этих отчетов не ограничивается одним Санкт-Петербургом, значительное количество их обращается и в губерниях»⁷⁶. Особенным успехом пользовалась, наряду с речами героев процесса «50-ти» Петра Алексеева и Софьи Бардиной, речь Ипполита Мышкина⁷⁷ – каждая из них, говоря словами почетного академика Академии наук СССР Э. К. Пекарского, производила «впечатление пушечного выстрела по существующему строю»⁷⁸.

С. С. Синегуб, И. О. Союзов, В. А. Стаховский, С. А. Стопане, Н. А. Чарушин, И. Н. Чернявский, С. Л. Чудновский, Л. Э. Шишко и Е. К. Брешко-Брешковская. Здесь нет подписи И. Н. Мышкина: он был оправлен на каторгу раньше всех, еще в апреле 1878 г.

⁷¹ Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1928. Т.3. С.166.

⁷² L'Égalité. Paris, 1879. 24 février.

⁷³ Русанов Н. С. На родине (1859-1882). М., 1931. С.152.

⁷⁴ Вперед! 1877. Т.5. Отд.2. С.163.

⁷⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб.1. С.381.

⁷⁶ ГАРФ, ф. 109, 3 эксп, 1874, д. 144, ч. 16, т. 2, л. 29.

⁷⁷ Народолюбец Д. Т. Буцинский, учившийся тогда в Харьковском университете, свидетельствовал: «Речь Мышкина читалась в сборной зале университета толпами студентов, в аудиториях – одним словом, я не знаю, был ли хотя один студент, который не читал этой речи» (см.: РН. Т.2. С.130).

⁷⁸ Пекарский Э. К. Рабочий Петр Алексеев (из воспоминаний) // Былое. 1922. № 19. С.80.

Революционизирующее влияние оказал процесс «193-х» на передовых рабочих Петербурга («Мы, – рассказывал Петр Моисеенко, – ловили на лету все, что выходило из зала суда. Все это давало массу материала для пропаганды»)⁷⁹, а по некоторым данным, – и на «городских работников и крестьян» провинциальных губерний⁸⁰.

Откликаясь на заветание осужденных по делу «193-х» редактор народнического журнала «Община» Д. А. Клеменц в сентябре 1878 г. пророчески утверждал: «Суждено ли нашим товарищам погибнуть в тюрьме среди пыток и мучений, удастся ли им снова попасть на вольный свет, все равно: они будут жить между нами, будут жить, пока останутся на Руси живые люди, способные понимать живое слово <...> *Ни казни, ни осадные положения не остановят нас на пути исполнения заветания наших товарищей – и оно будет исполнено!*»⁸¹ (Курсив мой. – Н.Т.).

⁷⁹ Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С.22-23.

⁸⁰ Левин Ш. М. Неизвестный отклик на процесс «193-х» // Красный архив. 1928. Т.2. С.233-234.

⁸¹ Община. 1878. № 8-9. С.2, 4.